

Дезорганизация как категория общественной науки *

Между нашими взглядами на современную Россию, навеянными общественной наукой, и интуитивными представлениями о ней, формирующимися под влиянием повседневности, сложилось глубокое несоответствие. Концепции создают некоторую упорядоченную, в идеале непротиворечивую, динамичную или статичную модель общества, тогда как из повседневности вырастает впечатление о господстве хаоса, дезорганизации.

То обстоятельство, что дезорганизации как одной из обобщающих характеристик общества не уделялось должного внимания, имело свои, прежде всего идеологические, причины: стремление к апологетике, иллюзии стабильности общества, попытки уйти от самого по себе опасного обсуждения проблем его нестабильности. Теперь, однако, ситуация резко изменилась. Приобретают влияние идеи катастрофизма, предпринимаются даже попытки сформировать представления о благодетельной роли хаоса, полной дезорганизации общества. При этом забывают, что принятие подобных идей в социальной науке фактически означает согласие с возможностью смерти общества, гибели людей, отказ от борьбы с хаосом. Такие воззрения не могут быть приняты не только как предельно антигуманистические, но и как односторонние, абсолютизирующие лишь одну сторону сложного противоречивого процесса динамики общества. Отсюда — необходимость взвешенного обсуждения в рамках научной методологии сложной и острой для России проблемы дезорганизации.

Дезорганизация и ее воспроизводство

Среди факторов нестабильности важнейшим следует признать высокий уровень внутренней дезорганизации всех сторон жизни нашего общества, опасность ее нарастания, недостаточное развитие механизмов ее устранения. Дезорганизация в обществе, ее возникновение и преодоление должны рассматриваться как дезорганизация самой человеческой деятельности, самого человека, механизмов формирования смыслов, решений, их реализаций. Социологи говорят, например, об ослаблении управляемости страной, главным признаком которого является «нереализуемость принимаемых решений»¹.

* Работа выполнена при содействии Российского гуманитарного научного фонда.

¹ Пригожин А. Что с лидерством у нас? «Россия XXI», 1994, № 9—10, с. 63.

Ахиезер А. С. — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Международного академического центра социальных наук (Интерцентра), член Нью-Йоркской академии наук. Специалист в области философских проблем изучения общественных процессов.

Дезорганизация должна стать важнейшей категорией общественной науки. Недооценка ее значимости может быть условно оправдана лишь в относительно благополучных обществах, т. е. там, где уровень дезорганизации в целом не выходит за рамки допустимого, где люди оказываются способными локализовать очаги повышенной дезорганизации.

Смысл категории дезорганизации заключается в том, что через нее общество интерпретируется с точки зрения пронизывающих его энтропийных процессов, постоянно разрушающих все его параметры: формы отношений, элементы ранее сложившейся культуры, жизненно важные функции социального организма. Дезорганизация проявляется как нравственная деградация, разрушение личности и т. д. Этот процесс носит реальный характер. Одновременно существует и потенциальная опасность усиления дезорганизации, угроза которой никогда не исчезает и которую человек не может себе позволить игнорировать. Дезорганизация всегда несет в себе опасность перехода некой границы необратимости, после чего общество, отдельные его элементы уже не в силах задержать свое сползание к распаду, к катастрофе, например предотвратить банкротство предприятия, не выдержавшего рыночной конкуренции, крах российской государственности, распад общества. Россия в результате мощной внутренней дезорганизации такого рода катастрофу пережила четыре раза: падение Киевской Руси, Смутное время, падение монархии и крах СССР. Каждая из этих катастроф связана с разрушением большого общества, со столкновением между частями распадающегося целого, между частями и центром, что приводило в первых трех случаях к массовой гибели значительной части населения.

Подвластность общества энтропии требует объяснения самого факта сохранения общества, существующего вопреки его постоянной дезорганизации, ответа на вопрос, поставленный еще социологом Г. Зиммелем: «Как возможно общество?». Сохранение общества вопреки энтропии можно объяснить лишь одним — существованием адекватной антиэнтропийной силы, которая сдерживает дезорганизацию в определенных допустимых рамках, возможно, даже повышает уровень организованности, эффективности функционирования. Речь идет о способности общества воспроизводить себя, свои собственные отношения, свою культуру, воспроизводить личность, способную воспроизводить себя и саму свою способность к воспроизводству.

Эта пара — деструктивный энтропийный процесс и воспроизводственная способность ему противостоять — представляет собой исходную дуальную оппозицию важнейших категорий общественной науки, необходимую для объяснения самой сути общества. Спор между этими процессами — и одновременно логическими оппозициями — есть спор о судьбе общества, о его жизни и смерти.

Существование воспроизводственной функции, направленной на себя, является основанием для рассмотрения общества как субъекта, стратегически и тактически нацеленного на воспроизводство собственной жизни. Общество-субъект может существовать лишь организуя свою деятельность именно таким образом, чтобы ограничить рост дезорганизации, а возможно, и снижать ее. Оно выступает здесь, с одной стороны, как сфера постоянных энтропийных процессов, как постоянно находящееся под угрозой разной степени разрушения или даже гибели, как жертва энтропии, а с другой — как субъект творчества, способный своими воспроизводственными возможностями противостоять этому процессу. Эта воспроизводственная деятельность осваивает рассмотренную выше дуальную оппозицию, т. е. превращает реальное и потенциальное отношение внешних энтропийных процессов во внутреннее содержание сознания, (суб) культуры, воспроизводственной деятельности соответствующего субъекта. Жизнеутверждающий воспроизводственный процесс характеризуется конструктивной напряженностью, т. е. некоторой наработанной ценностно насыщенной культурной программой, которая также осваивается соответствующим субъектом. Конструктивная напряженность в качестве элемента воспроизводственного процесса может рассматриваться как важнейшая категория общественной науки, несущая

в себе ценностный вектор воспроизводства. Она фокусирует воспроизводственную энергию человека в определенном направлении.

Освоение субъектом конструктивной напряженности приводит к тому, что преодоление уровня дезорганизации свыше предела, свойственного данной культуре, становится внутренней напряженной проблемой, личным кровным делом, содержанием повседневной психологической жизни. Конструктивная напряженность заставляет человека делать попытки (пере)осмысления энтропийного полюса рассмотренной выше дуальной оппозиции с целью его практического изменения в соответствии с накопленными ценностями культуры, для удержания дезорганизационного процесса в определенных рамках. В то же время конструктивная напряженность стимулирует поддержание, развитие способностей человека, необходимых для решения этой задачи, которые выступают как другой полюс этой оппозиции. Иначе говоря, здесь необходимы определенные самоизменения субъекта, развитие соответствующих его умений, квалификации. Тайну способности (или неспособности) субъекта противостоять деструкции следует искать в содержании конструктивной напряженности его деятельности, в соответствующем наработанном, подлежащем освоению, воспроизведению культурном контексте.

Анализ конкретного контекста позволяет вскрыть масштабы и силу конструктивной напряженности, направленной против хаоса, угрожающего поглотить общество. Например, наблюдения над сибирской деревней показывают, что «даже в самой благополучной части самой благополучной деревни есть какой-то элемент беспорядка, развала, неустройства: то выбита доска из забора, то часть его завалилась, то свалка битого кирпича или ржавого железа. Даже начинается деревня со свалки, помойки, кладбища ржавой техники или уж по крайней мере с пустыря, убитого строительным мусором... если кто-то чинит или красит забор, тут же находится таинственный кто-то, кто ломает и гадит,— о, пусть немного, пусть чуть-чуть, но так, чтобы элемент неустроенности, беспорядка, неуюта всегда находился в поле зрения. Деревня явно поддерживается именно в таком состоянии. ...Так же выглядит и изрядный процент сельских жителей. Грязная одежда, оторванные пуговицы, невысморканные носы, небритые физиономии — это норма... То же самое — в организации жизни, даже в организации дела... То же в отношении собственного здоровья, собственной безопасности. Выходить на работу с гриппом, с приступом холецистита, с сердечным приступом, с коликами в печени — обычное и даже вроде бы почтенное дело... хаос в современной деревне — это не что-то случайно возникшее, легко устранимое, а неотъемлемая часть мироощущения, важный элемент картины мира. Вселенная во всех ее проявлениях и во всех масштабах составляющих ее частей... мыслится как нечто полуразрушенное, несовершенное, не способное нормально функционировать»².

Из этого примера следует, что конструктивная напряженность группы, личностная культура несут в себе представление о приемлемой для субкультуры этой группы мере хаоса, уровня дезорганизации, о том, что осознание необходимости сдерживать их рост касается лишь уровня, лежащего свыше этой приемлемой меры. Причем осознание приемлемости некоторой меры дезорганизации вовсе не означает, что именно такая мера гарантирует реальное воспроизводство, сохранение субъекта. Пример как раз свидетельствует об обратном. Вполне возможна ситуация, при которой культурно признанная в группе мера дезорганизации на деле ведет ее к деградации, так как мера допустимого в данной культуре уровня деструкции оказывается опасной, не обеспечивающей стабильность. Более того, этот уровень дезорганизации защищается и воспроизводится. В приведенном нами примере он, видимо, рассматривается как знак бедности, призыв к внешнему миру о помощи, и сам этот призыв может восприниматься как устойчивая норма собственного образа жизни, воспроизводства.

Данный пример показывает, что не исключена ситуация, когда фиксированные

² Буровский Л. Короткоживущие. «Знание—сила», 1994, № 5, с. 72—73.

в культуре масштабы хаоса становятся близкими к критической границе необратимости, когда важнейшие элементы культуры, программы воспроизводства оказываются недостаточными для обеспечения стабильности общества, поставленного перед необходимостью решения новых, более сложных задач. Конструктивная напряженность может не нести достаточных предпосылок для воспроизводства соответствующей группы. В таком случае она нуждается в критическом переосмыслении с целью доведения ее до состояния, способного обеспечить воспроизводство субъекта, предотвратить его гибель. Но сказанное означает, что *в критике нуждается весь исторический опыт, породивший эту, по сути, саморазрушительную культуру*. Здесь ключ к пониманию способности субъекта сохранить себя, побороть опасную неспособность преодолеть угрожающий уровень деструкции.

Конструктивная напряженность охватывает все формы жизни общества, соответствующего субъекта: быт, материальное производство, организационные формы жизни, этикет и т. д. Необходимость вычитывать в каждой культуре степень и масштабы способности противостоять деструкции требует внимания прежде всего к узловым элементам жизни общества, деструкция которых особенно опасна. Сам выбор и субординация таких элементов — важнейший предмет науки об обществе. Например, экономист может отнести к ним способность противостоять безработице, при которой «могут произойти необратимые перемены в сторону общей деградации»³.

Возможно, однако, что среди всех форм жизни общества соблюдение чистоты, эстетика повседневной жизни как специфическая форма борьбы с дезорганизацией может сыграть роль сигнала общего состояния конструктивной напряженности, способности субъекта обеспечить стабильность. Красота не может спасти мир (если это изречение понимать буквально), но без повседневной красоты, возможно, исчезает желание его спасать. Анализируя причины успешной модернизации в Японии, историк В. Хорос отмечает существование «интересной детали, не случайной в глазах русского человека» еще полуторавековой давности. «Чистота, порядок, организованность быта — важнейшие показатели культуры общества, его цивилизованности». Это обстоятельство рассматривается как элемент «культурного фактора» — вот что составляет главное отличие, «определяющее более успешный исход модернизации в Японии по сравнению с Россией»⁴. В связи с этим нельзя не отметить, что открывающиеся сегодня в России частные магазины в противоположность прошлому (да и настоящему) отличаются высоким уровнем чистоты, внешними признаками цивилизованности, создающими образцы для всей торговли, всего общества. Без сомнения, это обстоятельство не является определяющим для оценки происходящих у нас изменений, но столь же несомненно, что и игнорировать его невозможно.

От конфликта к дезорганизации или к повышению организованности?

Люди давно осознали опасность внутренних конфликтов в обществе. Для их преодоления создавались различные методы, в частности прямое подавление (что само можно рассматривать как иную форму конфликта), например вытеснение внутреннего конфликта вовне. Страх перед конфликтами был фактически страхом перед дезорганизацией, могущей приобрести опасные для общества размеры. Однако одновременно люди интуитивно (а сегодня уже вполне осознанно) приходили к выводу, что существует некоторый *необходимый уровень дезорганизации, без которого общество не может существовать*. Этот уровень — необходимый элемент все той же конструктивной напряженности, условие поддержания некой атмосферы тревожности, настороженности, опасений, страха.

Определенный уровень дезорганизации необходим для появления жизненно важных инноваций. Он нужен для того, чтобы человек постоянно, повседневно

³ Львов Д. Пробелы в науке — провалы в экономике. «Независимая газета», 22 марта 1995.

⁴ Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994, с. 55, 57.

был готов встретить реальную угрозу, идущую не только от внешнего врага, но и от него самого, от его пассивности, равнодушия к жизни. Недаром Р. Штейнер говорил: «Для того чтобы быть здоровым, надо быть немножечко больным». Только в этом случае человек почувствует реальную потребность в здоровье, т. е. в соответствующих действиях, в соответствующей программе воспроизводства. Только в этом случае сохраняется определенная психологическая напряженность, способствующая освоению фиксированной в культуре конкретной формы напряженности. В данной связи интересны сами формы культивирования дезорганизации в определенных рамках, например ритуальные драки, известные на Руси как побоища между парнями разных деревень, улиц. Функции этих столкновений — поддерживать определенным образом организованный «дух молодечества». Однако не следует забывать, что подобные формы дезорганизации могут в определенной ситуации выходить из-под контроля (стариков, сообщества в целом) и выплескиваться в окружающую среду, создавая мощные очаги разрушения, например превращаясь в массовые беспорядки, погромы, бунты. Иначе говоря, и это крайне важно, как сами методы подавления дезорганизации, так и методы поддержания ее определенного ограниченного уровня несут в себе *опасность неконтролируемого выплеска за некоторые санкционированные соответствующей культурой рамки*.

В истории России массовая дезорганизация, конфликты не только достигают громадных масштабов, несущих угрозу уничтожения значительной части населения (например, периодические попытки в ходе народных восстаний истребить весь правящий слой, ответные попытки массового террора, нацеленного на истребление некоторой доли населения), но одновременно *заглублены на микроуровень*, угрожая мощным всплеском, поглощающим все общество. Объяснение этого явления не входит в задачу статьи. Следует лишь сказать, что это — форма проявления существующего в стране раскола, т. е. конфликта особого рода, пронизывающего все общество и не имеющего адекватного механизма своего преодоления.

Одна из характеристик раскола заключается в том, что он как бы представляет собой бесконечное многообразие неразрешимых конфликтов, которые могут казаться мало связанными между собой, но реально определяемыми общим состоянием раскола. Их неразрешимость стимулируется общим расколотым состоянием общества, в свою очередь, множество неразрешенных конфликтов создают повседневную живую основу для раскола. Эти конфликты могут рассматриваться с разных сторон, на разном материале.

Большой интерес представляло бы историческое исследование, прослеживающее связь конфликтов и масштабов дезорганизации в процессе усложнения общества. В качестве примера такой устойчивой дезорганизации можно рассмотреть отношения в деревне Тамбовской губернии до отмены крепостного права. В недавно вышедшем исследовании раскрываются глубокая конфликтность русской крестьянской общины, глубокая дезорганизация патриархальной семьи — этих массовых локальных сообществ. Например, «повсеместно царили дух несотрудничества, огульное насилие и равнодушие»⁵. Жизнь «изобиловала враждой, насилием, местью, завистью, страхом и руганью. Патриархальный двор скреплял общество, прибегая к наказанию для того, чтобы заставить крепостных подчиниться»⁶. «Недоверие, подозрительность и социальный конфликт стали основными чертами и разрушительными моментами жизни крепостных, а насилие было обычным средством разрядки накапливавшейся напряженности»⁷. Налицо широкое распространение неповиновения, неподчинение власти, пренебрежение к работе, хулиганство. Важный вывод заключался в том, что «поддержание порядка, по сути, расходилось с необходимостью четкого выполнения производствен-

⁵ Хок Л. С. Крепостное право и социальный контроль в России. М., 1993, с. 168

⁶ Там же, с. 174.

⁷ Там же, с. 163.

ных заданий»⁸. Внутри самих локальных сообществ крестьян имели место серьезные конфликты, эксплуатация, насилие и т. д. Между сообществами преобладали конфликты, так как патриархальный уклад не требовал существенного сотрудничества между главами дворов.

До XIX века насилие считалось приемлемой формой разрешения деревенских конфликтов во Франции, в Германии, Англии. Власти в этих странах мирились с ними, т. е. не считали их существование опасными для себя, для государственности, для сложившихся порядков и рассматривали их, скорее, как элемент этих порядков. Однако в России дело обстояло иначе. Здесь власть вмешивалась в разрешение конфликтов на локальном уровне, так как они сказывались на эффективности хозяйственного порядка, а также несли в себе потенциал массовых социальных беспорядков, опасных для слабого государства. В России власть чувствовала опасность для стабильности общества, для государственности высокой степени дезорганизации даже на самом низком, повседневном уровне деревенской жизни. Народная почва постоянно несла угрозу стабильности.

Каким образом общество вообще реагирует на повышенную конфликтность, ведущую к опасному уровню дезорганизации? В современных западных странах в качестве одного из таких средств выступает конфликтология, которая нацелена на повышение способности личности разрешать конфликты, превращать потенциал конфликта в фактор, обеспечивающий интеграцию сторон⁹. Однако обращение к конкретным историческим ситуациям помогает понять, что возможны конфликты, угрожающие обществу, которые оно на данном уровне его развития устранить не в состоянии (хочет, но не может или вообще не представляет гибельности сложившейся глубокой дезорганизации). В этом случае на первый план выходят другие методы. Одним из них является стремление государства понизить опасный уровень конфликтов, дезорганизации, подавляя их.

Власть в России жила в постоянном страхе перед тем, что конфликты породят море дестабилизации, которое поглотит всю страну (вспомним, например, постоянный страх, испытываемый Иваном Грозным). Специфика власти в России заключалась в том, что она пыталась подавлять эту опасность, вторгаясь в конфликты на самых нижних уровнях. Любые жалобы крестьян на помещика, которые долгое время были запрещены, рассматривались как признак волнений. Власть всеми силами старалась проникнуть в каждый атом общества, создавая специальные органы контроля, слежки, подавления. Этот процесс можно проследить начиная от опричнины, тайной канцелярии царя Алексея Михайловича, прокуратуры XVIII века, первого и третьего отделений канцелярии Николая I и т. д. Он не имел аналогов в других обществах. Апофеозом его стал период, когда во времена Сталина за пересказ анекдота давали 10 лет.

Власть делала все возможное, чтобы подавить предпосылки оппозиции на дальних подступах к возможности ее возникновения. Но тем самым она готовила собственный крах, так как эта задача была неразрешима, а в ходе предпринимаемых попыток накапливалось отчуждение народа от власти. Анекдот, производя между двумя людьми некоторую дезорганизацию (т. е. сбивая, корректируя в минимальном масштабе официальную программу воспроизводства общества), в конечном итоге породил море дезорганизации, которое сделало воспроизводство установленного государственного порядка абсолютно невозможным. Неизбежно наступал момент, когда *эффект государственного подавления конфликтов, дезорганизации порождал еще большую дезорганизацию*. Общество периодически отвечало на неудачи этого метода подавления дезорганизации другим методом. Сложное общество периодически распадалось на образования как государственного типа, так и локального, склонные к автаркии. Это делало каждое из новых образований сравнительно простым, где, как казалось, дезорганизацию можно

⁸ Там же, с. 169.

⁹ См. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. Россия на путях преодоления кризиса. М., 1994.

было держать под контролем. Однако такой путь порождал другую форму дезорганизации, возникающую в результате конфликтов между этими образованиями. В обществе, превзошедшем некоторый уровень сложности, подобные методы конфронтации с одной дезорганизацией посредством другой дезорганизации не могут дать эффекта.

Существование в стране мощных факторов дестабилизации несло в себе опасность необратимости, возможности гигантских выбросов почвенной архаики, достигающих вершин государственности. Это в конечном итоге и привело к беспрецедентной утопической попытке снять дезорганизацию через распад общества и власти, как это неоднократно имело место в России. Была сделана утопическая попытка построить упрощенное общество низшего класса¹⁰. При этом оно парадоксальным образом попробовало опереться на высшую технологию. В оппозиции «дезорганизация — способность субъекта значимо ограничивать дезорганизацию» первый полюс оказывался сильнее. Иначе говоря, общество-субъект сложилось как общество, в недостаточной мере способное превратить множество конфликтов, дезорганизацию, раскол в стимул развития диалога.

Микро- и макродезорганизация

Нестабильность проявляется не только на микро-, но и на макроуровне: в массовом стремлении отвечать на рост дезорганизации, приводящем к массовому дискомфортному состоянию, сменой господствующего нравственного идеала на противоположный. Преобладание инверсионного типа мышления приводило к тому, что это стремление получало свое выражение в формировании устойчивых циклов, в основе которых лежала смена авторитарного идеала на соборный и наоборот. Эти циклы уже неоднократно описывались¹¹. Их устойчивость объясняется тем, что общество стремилось преодолеть раскол, сдержать дезорганизацию, используя в основном два известных с древности способа управления, принятия решений, каждый из которых в конечном итоге в сложных условиях оказывался нефункциональным. В стране не сложились в необходимых масштабах культура, массовые ценности, соответствующие сложности общества, его проблемам. Причем, чем сложнее общество, тем болезненнее ощущались последствия циклических перемен.

Распад СССР можно рассматривать как ответ общества на свою собственную неспособность принимать сложные стабилизирующие решения в масштабе гигантского, слабо интегрированного целого, как стихийную попытку общества в кризисной ситуации уменьшить свою сложность, ограничить принятие сложных решений масштабами каждой из бывших республик в отдельности.

Однако разрыв между сложностью проблем России и реальной способностью ответить на эту сложность адекватными решениями не исчез. Специфика современной ситуации заключается в том, что с окончанием советского периода наступил новый этап, по ряду параметров явившийся полной противоположностью прошлому (по крайней мере на уровне утвердившихся ценностей). Он начался в условиях господства либерального нравственного идеала, который в то же время был в значительной степени пронизан архаичными соборными ценностями. Фактически ныне в стране существует гибрид либерального и соборного идеалов, результат стихийной попытки их отождествить, слить в единое нерасчлененное целое далекие, по многим параметрам противоположные идеалы, генетически связанные с разными суперцивилизациями.

Опыт истории России свидетельствует, что гибридные идеалы такого рода несут в себе опасность распада, высокий конфликтный дезорганизующий потенциал. По сути, предпринятая попытка соединить трудно соединимое является попыткой общества убедить себя, что эти глубоко различные идеалы, столкно-

¹⁰ См., например, «Конфликт ценностей и модернизация в России». М. 1994 с 96

¹¹ См. там же, с. 231.

вание которых несет в себе высокий потенциал дезорганизации, в действительности тождественны. В результате потенциал конфликтов, дезорганизации общества реально может снизиться. Однако это достигается ценой высокого риска последующего распада гибридного идеала с возможным взрывообразным выходом скрытой дезорганизации. И об этом свидетельствует исторический опыт России¹².

Опасность роста дезорганизации в результате распада гибридного идеала (сегодня это либеральный и использующий язык либерализма соборный) нельзя недооценивать. Общество чувствует эту скрытую угрозу, что, однако, не означает осознания ее сути и механизма. Если в древности вызревание стихийных бедствий и их последствия рассматривались как результат козней злых сил, то сегодня угроза дезорганизации относится на счет злодейства власти, тех или иных этнических групп и вообще кого угодно в зависимости от личных вкусов. Возможность в условиях мощного влияния архаичных представлений бесконечного поиска «истинных виновников» составляет важный элемент политической жизни, что открывает большие возможности для демагогии и провокаций, для разработки языков обращения к народу, которые нацеливают людей не на поиск решения проблем, а на расширение конфликта, дезорганизации. Это, как полагают демагоги, может создать волну массового гнева, на которой можно прийти к власти.

Нестабильность на макроуровне, т. е. в масштабе всего общества, — лишь вершина айсберга, т. е. дезорганизации на микроуровне. Сегодня в условиях господства либеральных ценностей, свободы печати и т. д. эта массовая дезорганизация вышла на поверхность. Она идет лавиной, гнездится в каждой клеточке общества, продолжая древние традиции. Например, на улаживание внутриведомственных склок уходит до 90% рабочего времени. Сообщающая об этом статья конкретизирует важные аспекты этой дезорганизации: «Хаотично принятие даже самых «хороших» решений, различное понимание в разных ведомствах государственных интересов, полномочия и ответственность ведомств не разграничены, неправильные решения остаются безнаказанными. Что касается упоминания высокого процента склок, то практически при приеме человека на работу в первую очередь изучается «не склочник ли кандидат?»¹³. Склока превращает сообщества в поле битвы эмоциональных сил, симпатий и антипатий и т. д. Они подогреваются страхом перед нестабильностью сообщества, отсутствием стремления к компромиссу, способности сочетать профессионализм и личный интерес, личный интерес и интерес целого и т. д. Склока, по сути, есть дезорганизующая активность, движущей силой которой является архаичное эмоциональное стремление личности сохранить стабильность комфортного сообщества в нестабильной ситуации.

Пронизанность всей жизни страны неразрешаемыми конфликтами — результат парализующего действия раскола, который органически препятствует интеграции всех инноваций, как культурных, так и организационных. Для современного, связанного с локализмом этапа характерно стремление сообществ максимизировать свою независимость от целого. В результате усиливаются конфликты не только между разными сообществами, сообществами и целым, но и внутри сообществ, так как активизация локализма вступает в конфликт с большим обществом, его организацией, ценностями, его внутренней жизнью.

Вся хозяйственная жизнь с господством в ней бесчисленных монополий на дефицит не только дает картину столкновений между ними. Дезорганизацию порождает и несоответствие двух тенденций: стремления сохранить господство натуральных отношений при одновременных действиях, предполагающих господство в хозяйстве рыночных отношений. Важным источником неразрешаемых конфликтов является раскол между потребностью в росте ресурсов, в потреблении и недостаточной способностью подчинить сложившиеся отношения в обще-

¹² См., например, Ахиезер А.С. Россия как большое общество. «Вопросы философии», 1993, № 1.

¹³ В а с и л ь ч у к Е. Тень непредсказуемой политики омрачает светлое будущее стабилизации. «Финансовые известия», 30 марта 1995.

стве, на производстве задаче соответствующего повышения эффективности. Это проявляется, в частности, в том, что у нас вопреки замыслам реформаторов занятость «осталась, как и прежде, самоцелью». Такая ситуация, по мнению многих, «является главным социальным препятствием преобразования неэкономического общества и занятости в экономическое»¹⁴. Фактически здесь мощный источник конфликтов между архаичным стремлением «сохранить коллектив» и попытками повысить эффективность производства. Этот конфликт может иметь место не только между разными институтами, разными людьми, но и внутри одного человека.

Сегодня в результате попыток либерализации, ориентации на спонтанный массовый творческий потенциал деструкция приобрела явный характер. В этом есть и важный позитивный момент, так как она может открыто изучаться и обсуждаться. В то же время невозможно игнорировать и негативную сторону явления. На место институтов, воплощавших важные аспекты макродезорганизации, хлынули потоки микродезорганизации, несущие в себе архаичный локалистский опыт, далекий от опыта большого общества, государственной жизни. На месте авторитарных попыток подавить силой дезорганизацию инверсионным образом реализовалась тенденция к защите от дезорганизации в локальных замкнутых мирах. Вряд ли возможно ответить на вопрос — какой из этих вариантов хуже, а какой лучше. Этот круговорот расколотого дезорганизованного общества патологичен сам по себе.

От дезорганизации к реформе

Как повседневная, так и государственная жизнь в сильно дезорганизованном обществе глубоко отличается от жизни в обществе, где уровень дезорганизации далек от критической границы необратимости, где дезорганизация привычно сдерживается обществом в определенных рамках, а очаги повышенной дезорганизации блокируются и т. д. В благополучном по российским представлениям обществе даже общественная наука иная. Она обращает внимание прежде всего на устойчивые структуры, сложившиеся формы и функции. В России же, особенно после пережитых катастроф XX века, возникает потребность в социологии, выдвигающей проблему преодоления разрушительных процессов. Следует отметить, что идеология большевизма пыталась воздействовать на общественную науку именно в таком направлении. Однако делалось это в архаичных мифологических формах, где каждый акт дезорганизации рассматривался как результат козней определенных сил. Высокий уровень дезорганизации заставляет нас учиться жить, мыслить, работать в этих условиях, рассматривать дезорганизацию как важнейшую проблему. Необходимо прежде всего уяснить специфику динамики дезорганизации на современном этапе развития страны.

Этот этап, как я уже говорил, носит гибридный соборно-либеральный характер. Страна даже после распада СССР сохранила свою исключительную сложность по сравнению с архаичным обществом. Сложность эта может быть определена рядом параметров, громадным количеством связей. В подобных условиях ликвидация директивного планирования, аппарата принудительного распределения и перераспределения ресурсов привела к иной форме специфической дезорганизации. Налицо *бурно нарастающий хаос в результате попыток освоить в формах денежных отношений примитивную, но сложную систему бесконечных натуральных отношений.*

Разумеется, значительная дезорганизация хозяйства — не новость, но традиция России. Например, на переломе между царским и советским периодами она называлась «разрухой», ответственность за которую возлагалась одними на буржуазию, другими на большевиков. Тогда, однако, бесчисленное количество натуральных хозяйств позволяло значительной части населения держать оборону

¹⁴ Федоров Н., Славин-Боровский В. Россия не приемлет открытую безработицу, предпочитая безработицу на рабочем месте. «Финансовые известия», 30 марта 1995.

от дезорганизации в своих локальных мирах, что, впрочем, провоцировало оставшихся без хлеба людей на всеобщий конфликт. Теперь гораздо большая абсолютно и относительно часть населения зависит от государственного снабжения, и масштабы дезорганизации столь велики, что открывают путь так называемой «криминализации всей жизни общества». Это понятие в данном контексте, однако, может несколько превратно представить истинную картину, сея подозрение, что все дело в каком-то количестве злодеев.

Высокий уровень дезорганизации фактически означает ее всеобщий характер, т. е. пронизанность ею каждого атома общества. В свою очередь, это означает, что реальные решения, формируемые смыслы по крайней мере отчасти находятся в правовом вакууме. Он может быть заполнен лишь наличным массовым культурным материалом, который позволяет найти общий язык между чиновниками, держателями монополий, продавцами и потребителями. Использовать при этом язык романтиков-реформаторов, западного либерализма, выросшего из другой реальности, можно лишь в весьма ограниченном (пожалуй, даже в некотором метафорическом) смысле. Но реальная культура несет в себе стремление к авторитаризму, что стимулирует монополизм в хозяйственной жизни. Одновременно эта культура несет в себе стремление к соборности, что обосновывает коллективизм в требовании благ, например тех же монополистов, когда они объединялись к своим претензиям к высшей власти, в требованиях людей, потерявших свои вклады в разорившихся фирмах. В реальной культуре существует язык утилитаризма, который не освящен в России высшей культурой. С одной стороны, он стимулирует рост ценности личности, с другой — может использоваться для обоснования циничного рвачества, разрушающего как природную, так и социальную среду.

Либерализм пытается объединить всю эту эклектическую смесь, ставя во главе угла либеральные ценности. Это должно нацелить общество на овладение общим языком, включающим язык права, давая некоторое чувство общности и предлагая определенные перспективы, оправдавшие себя средства, новую систему высших ценностей. Тем не менее слабая укорененность в почве либерализма ограничивает реальную возможность использования либерального языка, его интегративных функций.

Практически сказанное означает, что в каждой точке хозяйственные решения принимаются на основе авторитаризма, локализма, утилитаризма в разных формах и комбинациях. Это создает картину общей дезорганизации, охватывающей всех граждан без исключения. Криминализация выступает как стремление разрешать проблемы, игнорируя и общий интерес, который должно воплощать государство, и интересы других монополий, потребителя, соседа, включая их право на жизнь. Все это может принимать самые разнузданные мафиозные формы, сопровождаемые массовым разграблением ресурсов, убийствами. Криминализацию можно сравнить не только с паразитом на обществе, но и с одним из проявлений его общей патологии, всеобщей дезорганизации. Потому и борьба с криминализацией должна включать два элемента. Первый, наиболее простой — постоянное, повседневное подавление локальных очагов разрушительной дезорганизации преступных групп, что носит, скорее, характер стремления общества держать дезорганизацию в определенных рамках, чем попытку ее уничтожить. Второй, кардинальный, элемент требует борьбы с расколом и дезорганизацией как специфической болезнью общества в целом.

Для того чтобы понять, как может существовать общество, любое сообщество, любая устойчивая связь между людьми, устойчивый элемент культуры, эти явления должны быть осмыслены через дуальную оппозицию «воспроизводственная деятельность — дезорганизация». Реальная жизнь интересующего нас общественного явления может быть осмыслена как процесс *взаимопроникновения узаконных полюсов оппозиции, как реализуемая способность вопреки дезорганизации воспроизводить исторически сложившееся сообщество, сохранять или даже повышать эффективность его воспроизводственных функций.* Реаль-

ная жизнь сообщества может быть понята как процесс возрастающей дезорганизации, энтропии, возможно, переходящей через порог необратимости, ведущей к распаду, катастрофе. Но этот рост дезорганизации методологически может рассматриваться как результат недостаточной воспроизводственной способности субъекта противостоять разрушительным процессам.

Здесь возникает ряд сложных теоретических проблем. Важнейшая из них заключается в том, что данный процесс может иметь место при условии *взаимопроникновения смыслов двух вышеназванных полюсов, их постоянного диалога*. Только в этом случае воспроизводственная активность субъекта может сдерживать рост дезорганизации, обеспечивать его повышение, увеличение эффективности функционирования соответствующего сообщества.

Дезорганизация как предмет рассмотрения замещается исследованием воспроизводства, а затем их взаимопроникновением. Важнейший элемент воспроизводственной деятельности субъекта — поиск меры между воспроизводственной функцией субъекта, его важнейшими параметрами, с одной стороны, и дезорганизацией — с другой. Поиск этой меры в процессе изменения условий, средств и целей становится постоянной проблемой. Неспособность достаточно эффективно, повседневно и на всех уровнях ее решать повышает вероятность опережающего роста дезорганизации, угрозы катастрофы. Отсюда очевидно, что реальная реформа является ответом на неспособность общества преодолеть дезорганизацию и повысить уровень своей организации до объективно необходимого. Осознание этой проблемы является важной предпосылкой совершенствования проектов реформирования общества.

© А. Ахиезер, 1995